

ветил Понтию Пилату: «Царство мое не от мира сего», — и те, кто судит его с точки зрения Спартака или Бар-Кохбы, не понимают его так же, как прокуратор Иудеи. Здесь даже нет, строго говоря, спора, ибо нет точки соприкосновения.

Второе. Действительный предмет спора — характер христианской морали, то, что верно подчеркнуто В. И. Лениным: «Христианство из морали сделало бога». Речь, таким образом, идет о критике того, что можно называть этикой Христа, — а это этика любви, основанная на моральном абсолюте, ибо исток ее, по слову Христа, — в Боге. Этике любви марксизм противопоставил этику борьбы, утверждению морально-высшего как Небесного Царства или Царства Божия (которое, однако, «внутри нас») — морально-высшее, как реализацию коммунистического идеала, т. е. Царства Божия на земле. Но тем самым спор переведен в сферу морали, моральных ценностей, где, по определению, не может быть добыта научная истина, но лишь правда-истина, которая основанием имеет не знание, а веру.

Но проблема веры — это прерогатива личности, которая, к слову сказать, юридически закреплена в «Декларации прав человека», в Конституции Российской Федерации и в законе о свободе совести. Разум здесь и в прошлом, и в настоящем, и, пожалуй, в любом отдаленном будущем, как доказал уже Иммануил Кант, — бессилён. Теизм и атеизм не более, чем варианты веры (так же, как, скажем, агностицизм).

Поэтому, относясь с уважением к принципу свободы совести, я считаю, что, сколь ни велик бы был пафос обличения той или другой веры, если не совершать насилия над человеком — ничего не поделаешь: пытайся убедить, обратись к своей вере, но, как в честном соревновании, не пользуйся *argumentum ad Hominem* и тем паче — подтасовками и передержками.

Таким образом, утвердившись в мысли, что возникновение христианства — с любых точек зрения — знаменательное событие, переворот, революция духовная, — озвратимся на конкретно-историческую почву — к той похе, которую называют первыми веками новой эры, похе крушения Римской империи и особенностям этики I-V вв.